

УДК 94: [323.3 - 054.73(= 161,1)] "192/193"

В поисках лучшей доли: русские студенты-эмигранты в Польше в 20–30-е гг. XX в.

Елкин А. И.

В статье рассмотрены социально-бытовые условия, в которых оказались русские студенты-эмигранты в Польше. Им сразу же пришлось столкнуться со сложными проблемами: отсутствием продуктов питания, одежды и обуви, жилья. Непосредственное влияние на возможность успешного обучения в вузах, учебные занятия и завершение учебы оказывало правовое положение русских студентов, а также ограниченное право передвижения по стране и право выбора свободного места жительства. Помощь в проведении студенческих летних каникул обычно оказывалась православными монастырями. Сталкиваясь с многочисленными проблемами, студенты пытались опереться на поддержку эмигрантских организаций не только в стране, но и за ее пределами.

Ключевые слова: Польша, студенты, стипендия, общежитие.

Российская эмиграция 20–30-х гг. XX в. являлась массовой и хорошо организованной. Среди беженцев в Европе оказались около 16 тыс. студентов, прервавших своё обучение в России в связи с революцией и Гражданской войной [3, с. 261]. Теперь у эмигрантской молодёжи появилась надежда поступить в зарубежные вузы и завершить своё образование. Проблема пребывания и обучения русских студентов в Болгарии, Чехословакии и Югославии нашла своё освещение в работах исследователей [10, 6, 8]. Однако вопрос, связанный с условиями нахождения и учебы в Польше русских студентов требует более детального изучения¹.

После окончания Гражданской войны в России на территории Польши оказалось значительное количество эмигрантов. Среди них находились бывшие солдаты и офицеры различных добровольческих

¹ При написании статьи автор изучил соответствующие документальные публикации, эмигрантскую прессу и архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

формирований (около 17 тыс. чел.), интернированных на территории Польской республики. Многие из них в довоенные годы окончили гимназии, обучались в высших учебных заведениях. В лагерях интернированных в Острове-Познанском, Стшалково, Пикулице, Тухоли и Щелково оказалось свыше 200 студентов [2, ф. 5814, оп. 1, д. 4, л. 64]. Поскольку условия пребывания были тяжелыми, то студенты стремились из лагерей уехать, попытаться поступить в польские ВУЗы и получать специальность. Однако им сразу же пришлось столкнуться со сложными социально-бытовыми проблемами: отсутствием средств на покупку продуктов питания, одежды, обуви и отсутствием жилья. Ситуация в стране усугубилась экономическим кризисом и инфляцией. Для того, чтобы сделать взаимопомощь более эффективной, студенты основали 31 марта 1921 г. Союз русских студентов в Польше (СРС). Согласно уставу, организация оказывала своим членам материальную и правовую помощь, а для этого поддерживала контакты с соответствующими государственными органами и общественными организациями [2, ф. 5846, оп. 1, д. 1, л. 1]. В 1921 г. общее количество русских студентов в Польше составило около 1000 человек [13, с. 9]. Осенью 1921 г. в Варшаве проживал 101 студент, из них 82 чел. обучались в столичных ВУЗах. Материальное положение их являлось следующим: 75 % жили в плохих жилищных условиях, 10 % – в удовлетворительных, 15 % – в ужасных; 80 % из них нуждались в одежде и обуви, 40 человек в медицинской помощи и 77 человек в дополнительном питании [2, ф. 5864, оп. 1, д. 15, л. 31]. После соответствующего обращения правления СРС к общественным организациям неотложную помощь оказали бывший Российский Красный Крест и Всемирный Христианский студенческий союз. Кроме указанных объединений, основная поддержка русскому студенчеству в Польше оказывалась Российским Земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей (Земгор). Он начал свою работу во Франции в марте 1921 г. Как уже отмечалось, жилищно-бытовые условия студентов постоянно находились в центре внимания СРС. К весне 1922 г. особую остроту приобрел квартирный вопрос. В связи с возобновлением занятий, в Варшавском ветеринарном институте число мест в польском студенческом общежитии для русских студентов оказалось сокращено с 60 мест до 12 [2, ф. 5846, оп. 1, д. 22, л. 5]. Несмотря на то, что в столице удалось открыть общежитие на 20–25 мест, найти квартиры остальным нуждающимся оказалось практически

невозможно. Поэтому квартирный вопрос разрешили следующим образом: в местечке Воломин под Варшавой сняли пять помещений, главным образом дачи, где разместили малоимущих студентов. Помещения оказались сырыми и холодными. Эти студенческие общежития содержались на средства Земгора (отопление, освещение и плата за жилье). Однако, в связи с сокращением финансирования организации, живущие в Воломине студенты с сентября 1924 г. сами оплачивали свое проживание, за исключением особо нуждающихся [2, ф. 5846, оп. 1, д. 8, л. 46]. Постоянная нехватка материальных средств заставила СРС разработать даже принципы распределения помощи среди студентов (1922 г.). Все они оказались разделены согласно получаемым доходам на несколько категорий. Однако уже в июне 1922 г. лица, зарабатывающие больше 10 000 марок в месяц оказались лишены бесплатных обедов, а имеющие свыше 15 000 марок – помощи хлебом [2, ф. 5846, оп. 1, д. 5, л. 63]. Постоянно на заседаниях правления СРС обсуждались просьбы о выделении хлеба и денег на ужины и обеды. Обычным явлением для студентов был полуголодный паек (обед и 200 граммов хлеба). Для того, чтобы поправить свое материальное положение, студенты создали артель, состоявшую из 55 человек. Во главе стояло выборное бюро труда. Оно организовало две мастерские: сапожную и переплетную. Главную поддержку для их открытия оказал Земгор, выделив необходимые финансовые средства. Кроме этого, студенты объединялись для выполнения различных работ: репетиторства, черчения, фотографии, музыки, погрузки и разгрузки вагонов [1, с. 11]. СРС предоставлял студентам ссуды (обычно на месяц), оплачивая стоимость обучения на различных краткосрочных курсах: землемерных, языковых, топографических и т. д. [2, ф. 5846, оп. 1, д. 6, л. 35, 38].

Несмотря на ограниченность своих финансовых возможностей, которые с каждым годом сокращались, Земгор уделял главное внимание русским студентам, обучавшимся в польских высших учебных заведениях, тогда как в других странах он курировал школы. В 1923 г. из 148 русских студентов, получавших образование в ВУЗах Польши, 84 в той или иной форме пользовались помощью Земгора, наиболее целесообразной формой поддержки являлись стипендии, позволявшие студенту целиком уделять внимание обучению. Таких стипендиатов Земгора имелось в 1923 г. 20 человек. Кандидаты на стипендию этой организации в Варшаве избирались

СРС и Академической группой [3, с. 252]. Постоянная нехватка средств привела в 1925 г. даже к конфликту между Земгором и СРС. Тяжелое финансовое положение Земгора вынудило эту организацию прекратить помощь «старым» студентам полностью. И только для Польши сделали исключение. Здесь сохранилось несколько стипендий. СРС заявил «о трагическом непонимании Варшавы Парижем» и о том, что «в Париже имеют отдаленное представление о тяжелых условиях жизни русских студентов в Польше». На это Земгор ответил, что его меры свидетельствуют скорее об обратном. «Репрессии Земгора были направлены на неуспевающих, а стипендии лишилось всего 5 человек» [2, ф. 5846, оп. 1, д. 22, л. 11].

Из 173 студентов, обучавшихся в 1925 г. в варшавских ВУЗах, только 26 получали ежемесячную стипендию в размере 20 злотых, которой хватало на ежедневный скромный обед. Результаты такого питания быстро начали давать себя знать: почти все студенты страдали острым малокровием и очень легко поддавались всевозможным заболеваниям: брюшному тифу, чахотке и др. [2, ф. 5846, оп. 1, д. 24, л. 9–12].

Такие условия жизни явились главной причиной смерти двух студентов от чахотки, а студент и студентка покончили жизнь самоубийством.

Трудности, с которыми сталкивались студенты, неограничивались только нехваткой средств. Поступление в ВУЗы Польши и, в частности, Варшавы ограничивалось: нужны были документы, подтверждающие образовательный ценз лица; разинтернирование из лагерей обставлялось рядом трудно выполнимых формальностей.

Интересна в связи с этим записка, с которой в 1922 г. СРС обратился к ректору Варшавского университета. В ней отмечалось, что некоторые члены союза не имеют требуемых документов полностью. Варшавский университет в связи с этим давал отсрочки для предоставления недостающих документов, но при сдаче экзаменов, особенно дипломных, возникали вполне понятные, но совершенно неустраняемые со стороны студентов препятствия. Большинство из них являлось участниками Гражданской войны, и напоминание о себе могло повлечь репрессии против родных на родине.

Поскольку получить нужные документы оказалось невозможно, СРС предлагал использовать поручительство русских или польских

профессоров, знавших этих студентов во время их обучения в России.

Еще одним препятствием для поступления в высшие учебные заведения являлось положение, согласно которому лица, закончившие в Польше средние учебные заведения с русским языком преподавания, не могли поступать в польские высшие учебные заведения [2, ф. 5846, оп. 1, д. 30, л. 4].

Поскольку власти официально заявляли, что русских в Польше нет, то последние могли открывать только частные школы, не пользовавшиеся государственной поддержкой и правом выдавать аттестаты государственного образца. Интересно отметить, что в конце 19 в. поляки, окончившие частные школы в Царстве Польском, вынуждены были поступать в университеты Кракова и Львова и там получать высшее образование.

В ВУЗах почти все члены СРС, начиная с 1924 г., пользовались так называемым *odroczeniem* (отсрочкой) на 5–7 лет внесения платы за обучение. Однако обязательно оплачивались: экзамены, практические занятия, участие в студенческой больничной кассе (в среднем 35–70 злотых). На оплату экзаменов уходило ежегодно 100–150 злотых. Сюда следует добавить еще и плату за проживание в польских общежитиях (10–15 злотых с человека в месяц). Для ютившихся по углам на частных квартирах эта сумма составляла 20–30 злотых [2, ф. 5864, оп. 1, д. 8, л. 1–2]. Поскольку источники получения денег зачастую носили случайный характер, все студенты вынуждены были трудиться. Данные, приводимые СРС, свидетельствуют о том, что физическим трудом занималось 80 % членов союза, интеллектуальным трудом – уроки, служба в различных бюро, посредничество и т. п. – едва 20 % [2, ф. 5846, оп. 1, д. 30, л. 9]. Все изложенное выше свидетельствует о том, что студенты были лишены возможности регулярно посещать занятия, а это отражалось на качестве знаний.

Непосредственное влияние на возможность обучения в ВУЗах, учебные занятия и завершение учебы оказывало правовое положение студентов. Все русские эмигранты проживали в стране по картам *побыта*, а некоторые по картам *азыля*. Их обязывали каждые три месяца регистрироваться в соответствующих комиссариатах, воеводствах и старостах. В Варшаве власти ограничивались этой трехмесячной регистрацией. В провинции дело обстояло иначе. В связи с тем, что большинство студентов проживало в окрестностях Варшавы, а особенно много в Воломине, там, кроме указанной

регистрации, Радзиминское староство (в 7 км от Воломина) требовало каждые две недели являться в местный участок для регистрации и каждые две недели – в староство за получением пропуска для проезда в Варшаву. Поэтому каждому из живших в Воломине студентов приходилось терять в месяц несколько дней для соблюдения полицейских правил, не считая связанных с этим расходов.

Однако злключения русских студентов этим не ограничивались. Очень стеснено оказалось право свободного передвижения по территории Польши и право свободного выбора места жительства. Эмигрантам запрещалось свободно проживать и передвигаться в 7 восточных воеводствах. Виновные в нарушении данного распоряжения подлежали денежному штрафу и трехмесячному заключению (или обоим этим наказаниям вместе), а также их могли выслать за пределы государства [2, ф. 5764, оп. 1, д. 149, л. 74]. Поскольку география обучения русских студентов начала расширяться, а также постоянно остро стояла проблема дополнительных заработков, эти ограничения затрагивали большинство из них. В начале 20-х годов к пяти варшавским ВУзам, где обучались русские студенты, добавились университеты Познани, Вильно, Кракова, а также высшие учебные заведения во Львове [2, ф. 5846, оп. 1, д. 25, л. 32]. Так, в 1925/1926 гг. во Львове обучалось 42 русских студента [2, ф. 5846, оп. 1, д. 21, л. 6]. Кроме того, студенты не могли выехать в другие страны для углубления знаний, так как обратную визу невозможно было получить. Власти последовательно проводили курс на выселение русских из страны. Из-за отсутствия государственной поддержки СРС пытался опереться на помощь эмигрантских организаций не только в стране, но и за ее пределами. В 1922 г. в Париже начал работу Центральный комитет по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (ЦК). Он в своей деятельности особое внимание уделял положению студенчества в Польше. Оттуда тотчас же по образованию Центрального Комитета начались ходатайства как СРС, так и отдельных студентов, а затем и местных русских организаций. Просьбы сводились обычно к переводу русских студентов из Польши для обучения в других странах, к назначению стипендий учащимся в Польше и к ходатайствам перед польским правительством о разного рода льготах – правительственных ассигнованиях, полном или хотя бы частичном освобождении от платы за обучение и др. ЦК начал с

просьбы перед польским правительством, совсем не встретившей в первое время отклика, об ассигновании суммы на стипендии и на освобождение от оплаты за обучение хотя бы 50 студентов, а затем постепенно стал добиваться права выезда русских студентов из Польши в другие страны – Бельгию, Италию, Францию, Чехословакию. Только в 1921 г. в немецкие учебные заведения подали анкеты 140 студентов из Польши, а в 1922/1923 учебном году 14 человек уехало в Прагу. Поскольку чехословацкое правительство начало с 1921 г. осуществлять «русскую акцию», приглашать русских студентов на обучение в страну, то русские студенты из Польши рвались в Прагу, превратившуюся в «русский Оксфорд» [2, ф. 5846, оп. 1, д. 46, л. 9–10]. По мере увеличения поступлений в его распоряжение средств ЦК стал и сам назначать стипендии из своей кассы как пребывающим из Польши во Францию студентам, так и студентам, учившимся в самой Польской республике.

В марте 1925 г. министр народного просвещения уведомил председателя ЦК, что польское правительство согласилось на назначение пособий русским студентам, обучающимся в высших учебных заведениях страны, всего на сумму 2400 злотых в год, и что им представлена льгота на взнос платы за обучение с рассрочкой этой платы на 5–7 лет [2, ф. 5846, оп. 1, д. 4, л. 35]. Несомненно важное значение имело и создание при содействии ЦК в 1927 г. Комитета помощи русским студентам во главе с архиепископом Роопом [5, с. 138].

Однако в конце 20-х годов правительственные ассигнования резко сократили. Следовательно, в Польше регулярных стипендий государством, в отличие от Югославии или Чехословакии, не выдавалось, если не считать небольшого количества стипендий ЦК и Земгора. Поэтому важным источником увеличения средств являлась общественная помощь. Участвовал в сборах средств для своих членов и СРС в Польше, устраивая особые сборы и благотворительные вечера. Однако пресса часто критически отзывалась об этих источниках финансирования. В июне 1926 г. на общем собрании СРС иронические замечания в зале вызвала фраза из доклада о том, что для поддержания культурной жизни членов союза устроили... блины [11, 1926. 18. 6.]. Главным источником финансирования являлась взаимопомощь студентов и поддержка их со стороны родных. Представление о том, сколько оказалось израсходовано правительственных средств и частных

пожертвований за период с 1924 по 1931 гг., дает следующая таблица [12, с. 34]:

Таблица № 1.

Годы	Правительственная помощь	Помощь общественных и частных благотворительных организаций	Доход от балов и вечеров	Количество студентов, пользовавшихся помощью
1924	–	5 606 зл.	130 зл.	70
1925	2 400 зл.	5 915 зл.	4 673 зл.	79
1926	3 000 зл.	2464 зл.	1 081 зл.	50
1927	750 зл.	2 295 зл.	–	61
1928	750 зл.	674 зл.	–	55
1929	1 000 зл.	2 915 зл.	1327 зл.	50
1930	1 000 зл.	1 496 зл.	449 зл.	85
1931	500 зл.	948 зл.	980 зл.	110
Итого	9 400 зл.	22 313 зл.	8 640 зл.	560

Но в начале 30-х годов в связи с мировым экономическим кризисом ситуация с финансированием обучения студентов еще более ухудшилась. Обычным явлением стали объявления в газетах с просьбой пожертвовать средства в Фонд русских студентов [7, 1934, 14.1.]. В 1933/1934 учебном году положение студентов оказалось катастрофическим. За обучение платить стало нечем, одеваться студентам не во что, остро стояла проблема питания. Работу или уроки найти было невозможно. Почти единственным источником дохода являлся годовой концерт-бал [7, 1934, 25.1].

Типичными стали объявления в газетах: «Студент примет любую работу» [7, 1934, 4. 2]. Непосредственно с обеспечением учебного процесса оказалась связана проблема летних студенческих каникул. Обычно в начале каникул правление СРС обращалось с воззванием. В нем содержался призыв ко всем русским организациям,

учреждениям, монастырям, частным лицам вспомнить старые добрые времена, когда подобные случаи являлись не редкостью, и пригласить к себе на лето одного из наиболее нуждавшихся в отдыхе студентов [4, 1926, 22.6].

В 1926 г., откликаясь на призыв СРС, один батюшка обратился к правлению с просьбой: «Пришлите мне студентика, пусть поживет у меня в деревне, отдохнет от шума города» [9, с. 16]. Чаще всего студентов принимали монастыри, обеспечивая их содержанием, и создавали необходимые условия для отдыха. В Польше имелось 16 православных монастырей. Чаще всего с просьбами взять студентов на каникулы с полным содержанием обращались в Почаевскую лавру.

Естественно, что такие обстоятельства влияли на то, что большинство студентов долго учились, сравнительно небольшое количество из них закончили обучение.

За период с 1921 по 1926 годы польские ВУЗы окончили только 15 человек [11, 1927, 3.6]. Но в последующие годы ситуация стала изменяться. И уже в 1924–1931 гг. количество получивших высшее образование составило около 100 человек* [12, с. 34].

Несомненно, поэтому заслуживает внимания тот факт, что после окончания учебы несколько человек стали ассистентами в польских высших учебных заведениях.

Следовательно, оказавшись на территории Польши, русские студенты получали возможность продолжить образование в ВУЗах страны. Однако, положение их было чрезвычайно тяжелым. Прежде всего, это касалось материального обеспечения и отсутствия постоянных источников финансирования. В Польше оказалось стеснено право свободного передвижения и право выбора свободного места жительства, запрещалась практика русским, окончившим польские институты и университеты, затруднено получение польского гражданства. Польские власти осуществляли политику «выдавливания» русских их страны. Поэтому завершение образования для многих студентов оказалось несбыточной мечтой.

* По числу студентов, успешно окончивших ВУЗы, Польша находилась на 8 месте, Чехословакия – 3000, Франция – 2006, Югославия – 740, США – 352, Болгария – 350, Бельгия – 250, Германия – 200 [12, с. 34].

Примечания

1. *Вестник эмигранта*. – 1922. – № 3. – С. 11-12.
2. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*.
3. *Зарубежная русская школа 1920–1924*. – Париж, 1924. – 278 с.
4. *За свободу*. Общественно-политическая газета [Варшава].
5. *Ковалевский П. А.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П. Е. Ковалевский. – Paris, 1971. – 372 с.
6. *Козлитин В. Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии. 1919–1945 / В. Д. Козлитин. – Х., 1996. – 476 с.
7. *Молва*. Общественно-политическая газета [Варшава].
8. *Осовский Е. Г., Лёвкина В. А.* Русская школа и студенчество в эмиграции (20–40-е гг. XX в.) / Е. Г. Осовский, В. А. Лёвкина // Педагогика. – 1999. – № 4. – С. 41-46.
9. *Родное слово*. – 1926. – № 10. – С. 16-17.
10. *Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов / Гражданские беженцы, армия, учебные заведения*. – М., 1994. – 116 с.
11. *Руль*. Эмигрантская газета [Берлин].
12. *Русская молодежь в высшей школе за границей*. – Париж, 1933. – С. 32-41.
13. *Студент*. – 1922. – № 2. – С. 61-64.

Йолкін А. І. У пошуках кращої долі: російські студенти-емігранти в Польщі у 20–30-ті рр. ХХ ст.

У статті розглянуто соціально-побутові умови, в яких опинилися російські студенти-емігранти в Польщі. Їм відразу ж довелося зіткнутися зі складними проблемами: відсутністю продуктів харчування, одягу та взуття, житла. Безпосередній вплив на можливість успішного навчання у вузах, навчальні заняття та завершення навчання мало правове становище російських студентів, а також обмежене право пересування по країні та право вільного вибору місця проживання. Допомога у проведенні студентських літніх канікул зазвичай надавалася православними монастирями. Стикаючись із численними проблемами, студенти намагалися спертися на підтримку емігрантських організацій не тільки в країні, але і за її межами.

Ключові слова: Польща, студенти, стипендія, гуртожиток.

Yolkin A. I. Searching for a better life: Russian students, immigrants in Poland in the 20-30 years of the XXth century.

The article considers the social conditions in which the students were Russian immigrants in Poland. They immediately had to deal with complex problems: the lack of food, clothing and footwear; housing. A direct impact on the possibility of successful learning in higher education, training sessions and completion of study affected the legal status of Russian students, as well as a limited right of movement within the country, and the right of free choice of residence. Assistance in the student's summer vacation is usually provided to the Orthodox monasteries. Faced with numerous challenges, the students tried to rely on the support of immigrant organizations, not only in the country but also abroad.

Keywords: Poland, students, the scholarship, the hostel.

УДК 94 (470. 325+477. 54) «16»: 323. 3-057. 36

К вопросу о социальном составе и материальном обеспечении валуйских станичников в первой половине XVII в.

Кушнарєв С. С.

У статті розглядаються питання, пов'язані з організацією та функціонуванням станичної служби в південному прикордонному місті в першій половині XVII ст. Завдяки залученню архівних матеріалів автор аналізує походження представників данної служилої групи та ступінь забезпечення станичників жалуванням і землею. Виходячи з аналізу та узагальнення джерел, зроблені висновки про важливість станичної служби в обороні південних кордонів держави і особливе положення станичників в соціальній структурі південноруського міста.

Ключові слова: жалування, служилі люди, станичники, південне порубіжжя.

Валуйская крепость, основанная в 1599 г. при впадении реки Валуй в Оскол, длительное время являлась важным звеном в процессе заселения Среднего Поосколья и организации обороны южного порубежья Российского государства. Изучение истории заселения и хозяйственного освоения края, а также проблем государственного строительства в конце XVI–XVII вв., невозможно без рассмотрения практических мер правительства по созданию оборонительного комплекса, включавшего в себя такую важную составную, как станичная служба. В Валуйках она была организована в 1625/26 г. с созданием 24 разъездных станиц, действия которых охватывали территорию, выходящую далеко за пределы Среднего Поосколья. На протяжении почти всего XVII в. валуйские станицы, наряду со станицами из других южнорусских городов, выполняли ряд важных функций, связанных как с оборонительными мероприятиями правительства, так и с внешнеполитическими сношениями государства.

Мероприятия, проводившиеся правительством по защите южных границ Российского государства, длительное время интересовали